

УДК 94(436)+94(477)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/10/2

НАЦИОНАЛЬНОСТИ

(главы из книги Петерсона Артура Джона «Венгрия и ее жители» / Пер. с англ. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1873. [2], II, 461 с.)

Резюме

Ниже публикуется глава «Национальности» из переведенной на русский язык книги «Венгрия и ее жители» английского историка и путешественника А.Д. Петерсона, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1873 г. В книге приводятся интересные сведения об этносах, населявших Венгрию, в т. ч. и русинам.

Автор подчеркнул, что русины в Венгрии принадлежали первоначально к православной церкви, затем, примкнув к т. н. «Святой унии», провозглашенной на Флорентийском соборе, они стали «греко-католиками». Официально они назывались «католиками греческого обряда». Число русинов в Венгрии определялось различно, но во всяком случае их было менее полумиллиона. Во всей же Австрийской империи число их доходило до 2 500 000. Венгерские крестьяне называли их русскими, Orosz, а жителей Российской империи — Muszka, москвитянами. По своему положению русины занимали последнее место среди шести крупнейших национальностей Венгрии. Руси́ны, жившие в селениях, расположенных в долинах, подверглись мадьяризации. А. Петерсон отметил также, что в Венгрии проживало довольно большое количество людей (более 100 тыс.), которые считали себя венграми, однако принадлежали к греческой церкви. Как он полагал, речь шла о мадьяризованных русинах

Ключевые слова: Венгрия, русины, мадьяризация, церковная уния, греко-католики.

NATIONALITIES

(A Chapters from Arthur John Peterson's Book "Vengriya i ee Zhiteli" [Hungary and Its Inhabitants]. Translated from English by D.G. Fridberg. St. Petersburg: tip. A.M. Kotomina, 1873. [2], II, 461 p.)

Abstract

Below is published the chapter "Nationality" from the Russian translation of the book Hungary and Its Inhabitants (St. Petersburg, 1873) by the English historian and traveler Arthur John Peterson. The book contains interesting information about the ethnic groups that inhabited Hungary, including about the Rusins.

Peterson emphasized that the Rusins in Hungary originally belonged to the Orthodox Church. Later, having joined the so-called “holy union” proclaimed by the Council of Florence, they became Greek Catholics. Officially, they were called “Catholics of the Greek Rite”. According to Peterson, the number of Rusins in Hungary was counted in different ways; in any case it was at least half a million. In the whole of the Austrian Empire, their number reached 2.500.000. Hungarian peasants called them Russians, Orosz, and inhabitants of the Russian Empire Muscovites, Muszka. In terms of their status, the Rusins were the last of the six largest nationalities of Hungary. Rusins who lived in villages located in the valleys were subjected to Magyarization. Peterson also noted that a fairly large number of people (more than 100 thousand) who considered themselves Hungarians yet belonged to the Greek Church lived in Hungary. Peterson believed these were the Magyarized Rusins.

Keywords: Hungary, Rusins, Magyarization, Church Union, Greek Catholics.

Глава XVIII Национальности

Замечательная смесь национальностей. – Неудобства, отсюда вытекающие. – Близость столицы. – Правила св. Стефана. – Этнологические районы. – Перемена национальностей. – Правила и исключения. – Ценз 1851 г. – Анекдоты. – Немецкие венгерцы. – Трансильванские саксонцы. – Материковое положение. – Турецкие войны. – Латинский язык. – Консервативные вздохи. – Мария Терезия и Иосиф II.

Одна из наиболее выдающихся особенностей Венгрии, невольно бросающаяся в глаза западноевропейскому путешественнику, – это совместное существование многих различных национальностей. Не то чтобы другие государства и страны состояли из вполне однородного населения. Наш британский остров включает в своих берегах не менее четырех резко обособленных национальностей, не говоря уже о коренных жителях Ирландии и мелких островов, составляющих британский архипелаг. Но редко или никогда не встретишь у нас того явления, которое составляет почти общее правило в Венгрии: там почти каждый комитат состоит из двух или более различных национальностей, и эти национальности не замыкаются каждая в пределах своей собственной территории, а, напротив, до того тесно смешиваются и перепутаны между собой, что нет никакой возможности составить этнологическую карту страны, которая была бы хоть сколько-нибудь близка к истине. Так, напр., из 54 комитатов и внекомитатских округов, на которые разделяется собственно Венгрия, без Трансильвании, Славонии, Кроации и Военной границы, только 5, а

именно Ченградский комитат и свободные округа Яцигии, Большой и Малой Кумании и Гайдукских городов, состоят исключительно из мадьяр. С другой стороны, только в 7 комитатах вовсе нет мадьярской национальности. В 17 комитатах она образует большинство населения; в 2, Ваше (нем. Эйзенбург) и Шопроне (нем. Эденбург), расположенных на австрийско-штирийской границе, она составляет половину населения, во всех же остальных комитатах к мадьярской национальности принадлежит только меньшинство; точно так же нет ни одного комитата или округа чисто немецкого, а в восемнадцати общинах немецкой национальности вовсе не встречается. В одном только комитате, Мошоне, немцы составляют большинство. В Шопроне они составляют половину населения, в Ваше – одну треть, в Пеште, Тольне, Барании, Торонтеле и Темеше – одну четвертую часть, а в Баче и Ципее – одну пятую. Сербы до того разбросаны, что в собственной Венгрии они образуют значительные фракции только в двух комитатах – Торонтеле и Баче: в первом они составляют одну треть населения, а во втором – одну пятую.

Неудобства, вытекающие из такого смешения языков, я имел случай испытать на себе. Во время пребывания моего в южновенгерских городах один из моих приятелей пригласил меня на обед к своему знакомому. А приятель мой и я говорили только по-венгерски и по-немецки; наш хозяин говорил только по-венгерски и по-сербски. За столом с нами сидели еще два валаха с Военной границы. Из них один говорил только на своем родном языке, так что он все время только и делал, что ухмылялся и дружески кивал нам головой. Другой знал и по-сербски, и по-немецки, но ни одного слова не понимал по-венгерски. Можете себе представить, как оживлен был наш разговор и как приятно мы провели время за столом.

Этнографическая путаница, господствующая в Венгрии, сказывается уже в ближайшем соседстве от столицы. Большая дорога на Эгер или Эрлау проходит по местности, которая может быть причислена к мадьярской полосе: большая часть городов и деревень, расположенных по этой дороге, населена мадьярами. Тем не менее в первой же деревне от столицы, Керепеш, вы встречаете одних только словаков, которые вообще населяют значительную часть деревень в столичном комитате. Точно так же правый берег Дуная от Буды вверх усеян на большом расстоянии швабскими колониями. В некоторых местах эти колонисты живут совершенно разрозненно от остального населения, в другом они смешиваются с мадьярами. Но при С. Андре и в окрестных с ним деревнях, лежащих на расстоянии нескольких часов от Буды, эта линия немецких селений прерывается вдруг отдельной сербской колонией.

В *Peleskei Notarius* (нотариус из Пелескеи) – народной пьесе, описывающей жизнь венгерцев, особенно низших классов общества, волшебница на вопрос, что это за страна такая – Венгрия, отвечает: «Это страна, в которой живут всякого рода люди, даже венгерцы, и где говорят на всевозможных языках, даже на венгерском». Это определение более чем верно, и много несчастий принесло оно стране в последние годы. Однако же первый венгерский король св. Стефан, по-видимому, судил об этом иначе. В завещании, оставленном им своим преемникам, он высказывает принцип: «Unius liguae, unisque moris, regnum imbecilum et fragile est» (при одном языке и одинаковых нравах государство бывает и слабо, и шатко) – правило, напоминающее собой пресловутое *divide et impera*.

Несмотря, однако же, на это вавилонское столпотворение языков и народностей, я попытаюсь представить здесь краткий очерк географического положения главнейших рас, населяющих Венгрию. Для той цели, которую я преследую в моей книге, этот очерк будет вполне достаточен. По склонам Северо-Западных Карпат, от Пресбурга на Дунае до окрестностей Унгвара, обитают словаки, принадлежащие к западной отрасли великой славонской расы и родственные полякам и чехам. Северо-восточный угол страны населен русинами, или русняками, другим славянским племенем, принадлежащим к восточной отрасли этой расы и родственным с русскими. Валахи и дако-романы занимают всю Трансильванию и отсюда пустили отпрыски во все пограничные комитаты собственной Венгрии. Страна, лежащая к югу от Мароша и известная под именем Баната, населена вперемежку четырьмя различными народностями: венгерцами, немцами, сербами и валахами. Немцы рассеяны спорадически по всей стране, не составляя нигде сплошной массы. Всего гуще они сгруппированы в западных комитатах, граничащих со Штирией, в подкарпатском округе Ципше (где они образуют немецкий островок посреди сплошной словацкой массы) и в саксонской части Трансильвании. Таким образом, на долю собственно мадьяр остается только центр страны по обоим берегам Дуная и Тисы.

Так как вопрос о «национальностях» составляет один из любопытнейших и в то же время один из важнейших вопросов современной венгерской истории, то я считаю нелишним сделать здесь несколько общих замечаний об этом предмете, вынесенных мною из моих личных наблюдений. Не раз приходилось мне слышать мнение, что слияние западных народов обусловило их «расовыми» особенностями, и что по тем же расовым особенностям восточные народы навсегда должны остаться разъединенными. Эта теория по своей неопределенности имеет много привлекательного для из-

вестных умов; я же, признаюсь, нахожу в ней только пустой набор слов, под которым всегда прячется невежество. Прежде всего нужно заметить, что «Восток» и «Запад» суть чисто относительные термины. Нельзя без произвола расчленить европейские национальности на восточные и западные. К тому же (а в этом и вся суть дела) между Венгрией и остальной Европой вовсе не замечается такого резкого контраста относительно слияния рас, как это обыкновенно принимают. Сколько столетий такая незначительная горсть людей, как баски, бретонцы, валлийцы, удержали свою самостоятельность посреди западноевропейского населения! С другой стороны, в самой Венгрии мы встречаем многочисленные примеры утраты или, вернее, перемены национальности. Многие, если не большинство немецких поселений, совершенно утратили свой немецкий характер и поделались где мадьярами, где словаками, где валахами. Мне известны также случаи, где чистокровные мадьяры превратились в словаков, русинов и валахов. Наконец, есть и такие словацкие общины, которые теперь окончательно стали мадьярами. И надо заметить, что я говорю здесь не об индивидуальных случаях, а о таких, где целые приходы, деревни или общины меняли свою прежнюю национальность на другую.

Эти перемены, насколько мне удалось проследить их, всегда совершались согласно известным законам, которые нетрудно вывести а priori из изучения истории национальностей в Великобритании и Франции. Когда маленькая колония поселяется посреди населения, чуждого ей, но *однородного в самом себе*, то она рано или поздно незаметно распускается в окружающей массе. Этот процесс обыкновенно совершается с быстротой, пропорциональной степени культурного родства, существующего между новопоселенцами и коренным населением. Процесс этот ускоряется, когда в стране господствует оживленная коммерческая деятельность, когда она снабжена хорошими дорогами, густо населена, и в особенности когда между пришлым и коренным элементами нет большой религиозной или политической розни. Но иноземные колонисты, переселявшиеся в Венгрию, – немцы, сербы, болгары – обыкновенно попадали посреди населения, неоднородного в своем составе. Средства сообщения до самого последнего времени были крайне неудовлетворительны, население – редкое, а цивилизация и образованность стояли на весьма низкой ступени. Что же удивительного, если процесс ассимиляции разнородных элементов шел так тихо?

Но из этих общих правил существует, по крайней мере, одно важное исключение, которое необходимо принять в расчет. Может случиться, что некоторые специальные выгоды побуждают переселен-

цев крепко держаться за свои национальные особенности. Точно так же может случиться, что эти выгоды бывают такого рода, что, с одной стороны, они лишают переселенцев их собственной национальности, а с другой – мешают поглощению их окружающим населением. Подходящий пример этого мы видим в Англии. В средние века английские короли населяли фламандские колонии в Глеморганшире и Пемброкшире. Эти колонисты не удержали своей национальности, но и не слились также с валлийцами – они сделались англичанами.

В Венгрии мы встречаем шесть различных случаев перемены национальности со стороны общин: 1) немцы делаются мадьярами; 2) немцы делаются словаками; 3) немцы делаются валахами; 4) мадьяры делаются словаками или русинами; 5) мадьяры делаются валахами; 6) словаки делаются мадьярами. Об этих переменах мне приходилось только слышать. Я сильно сомневаюсь, чтобы валахские общины когда-либо утрачивали свою национальность. Единственные, насколько мне известно, примеры онемечения не немецкой деревни представляют одно или два мадьярские поселения, расположенные в одном из немецких округов Трансильвании. Перемена эта, надо полагать, совершилась не без влияния лютеранских пасторов. На мой взгляд, эти факты вполне подтверждают выведенное выше общее положение. Всего меньше терпит от этих превращений валахский элемент, так как в территориальном отношении он образует наиболее сплоченную массу. Напротив, немецкий элемент, разбросанный спорадически повсюду, терпит больше всех. Мадьяры составляют очень компактное население в равнинах, и здесь они в самом деле поглощают собой разрозненные колонии словацкие и немецкие. В холмистой же части страны, где мадьяры рассеяны отдельными общинами, они, в свою очередь, поглощаются словаками и валахами. По-видимому, вопрос о том, которая из двух сталкивающихся национальностей поглотит собой другую, не всегда разрешается превосходством цивилизации, талантности или индустрии, потому что в таком случае немцы и мадьяры никогда не поделались бы валахами. Трудно представить себе то глубокое презрение, которое немцы, а равно и мадьяры питают к валахам в Трансильвании. Они постоянно ругают их бездельниками, ханжами, трусами и холопами. Тем не менее очень многие немецкие деревни окончательно «обвалахились», а обвалахившихся мадьяр насчитывают около полумиллиона.

Как мое общее правило, так и его главнейшее исключение лучше всего доказываются на примере «мадьяризации» немцев. До самого последнего времени вся мадьярская, или венгерская националь-

ность считалась аристократической и дворянской, т. е. национальностью, к которой принадлежали как высшая знать, так и большинство свободных людей. После 1848 года, когда сейм уничтожил различия между дворянином и крестьянином, мадьярская национальность осталась аристократической национальностью. Название Венгрии на всех языках – Magyarország, Ungarn, Hungaria и т. д. – выражало собою тот факт или представление, что страна эта принадлежит именно венгерской национальности, составляет некоторым образом ее собственность, что венгерцы господствуют в ней. Когда человек получал права гражданства, когда он пользовался всеми льготами, связанными с званием свободного человека, он делался «венгерским дворянином». Следствием этого было то, что все дворяне стали называть себя «венгерцами». По этому поводу я могу привести небезынтересный анекдот, который я тем охотнее повторяю здесь, что сам убедился в его верности.

После революционной войны венское правительство приступило к переписи населения во всей империи. Помимо многих других прекрасных вещей, которых оно надеялось достигнуть этой переписью, правительство главным образом рассчитывало на то, что ему удастся доказать, как незначительно собственно число настоящих мадьяр, этого непокорного и жестокого народа. Надо еще заметить, что никто так цепко не держится за свою национальность, как трансильванские валахи. Когда очередь дошла до деревни Иллема в Гатсегском округе, к чиновнику, производившему перепись, явился старый крестьянин и потребовал, чтобы его записали как венгерца. Ничто в нем – ни его одевание, ни его образование – не показывало, чтобы он был дворянином, но он пользовался гражданской свободой и потому в венгерском смысле слова был «дворянин». На вопрос, какой он национальности, он ответил на валахском наречии, что «ungur». «Говорите вы по-венгерски?» «Нет!» «Как же так, вы называете себя венгерцем, а не знаете венгерского языка?» Этот вопрос сначала смутил старика, который, очевидно, теперь только в первый раз подумал об этом. Но он тотчас же оправился: «Так я же могу ему научиться». «Ну, а ваши жена и дети, они кто такие?» «Вот видите ли, – ответил он на это, – я ungur, но если вам уже очень хочется, то, пожалуй, можете записать мою жену как gumu».

Этот анекдот напомнил мне другой в том же роде, за достоверность второго я также ручаюсь. Рассказывал мне его профессор одной протестантской коллегии в равнине. Нужно сказать, что эта коллегия была смешанная, т. е. не принадлежала ни лютеранам, ни кальвинистам, а содержалась на счет обеих религиозных общин. Директор был из лютеран и как лютеранин считался более суровым

ми и решительными кальвинистами, «жестоковыми кальвинистами», как они себя называют, за человека, способного на всякого рода компромиссы и уступки. Как бы то ни было, директор получил в одно прекрасное утро от венского министерства строгий приказ составить список национальностей учеников, причем при определении национальностей руководствоваться исключительно показаниями самих учеников. Население города, в котором находилась коллегия, состояло почти целиком из потомков словацкой колонии, переселившейся туда в сравнительно недавнее время. Директор с лютеранской пунктуальностью исполнил приказание министерства, спрашивал каждого ученика по очереди, к какой он принадлежит национальности, и заносил ответы на бумагу. В результате оказалось громадное большинство мадьяр, несколько немцев, несколько валахов и всего три словака. Составленный таким образом список был представлен в министерство, откуда его возвратили назад с замечанием, что крайне невероятно, чтобы в таком чисто словацком городе только три ученика принадлежали к словацкой национальности; и потому училищному начальству предписывается строго-настрого переделать заново этот список с соблюдением величайшей точности, и т. д., и т. д. Получив такой строгий выговор, директор созвал на совет всех учителей, объявил им, что он не может взять на себя одного такой великой ответственности, и потому просит их присутствовать при составлении нового списка. Родители трех мальчиков, объявивших себя словаками, принадлежали, по-видимому, к той партии, которую венгерцы обыкновенно называют «панславистской»; они-то внушили своим детям, чтобы на вопрос, какой они национальности, те отвечали на словацком языке: «jo som slovinsky» – «я словак». Но этим несчастным мальчикам пришлось между тем перенести столько неприятностей и преследований от своих товарищей на гуляньях и на улице, что, когда составлялся второй список в полном сборе учителей, то только у одного хватило смелости повторить свои прежние показания, двое же других ответили по-венгерски, хотя со словацким акцентом: «En Madyar vagyok» («я венгерец»). Скрепив и запечатав этот список, учителя отправили его в Вену, уверяя его превосходительство, что, к величайшему их сожалению и удивлению, они не могли найти между своими учениками более одного словака.

Большинство немцев, считающих себя венгерцами, не зная венгерского языка, обыкновенно распутывают этот национальный узел гораздо проще: «Венгерец, – говорят они, – всякий, кто родился в Венгрии; мы родились в Венгрии, стало быть, мы венгерцы». Согласно с этим, они носят венгерский костюм, высказывают венгерские

политические чувства, словом, во всем, где можно, стараются походить на венгерцев. Если сами они не владеют венгерским языком, то стараются, по крайней мере, чтобы их дети знали его; таким образом, они мало-помалу утрачивают воспоминание о своем немецком происхождении и под конец сами начинают верить, что пришли в Венгрию вместе с Арпадом. В окрестностях Гиенгиеша, на полпути между Пештом и Эгером, существует целая немецкая деревня, совершенно мадьяризованная, а между тем немцы переселились туда всего только в царствование Марии Терезии. В Сегедине вам часто попадаются на улице молодцы, по своей наружности вполне отвечающие той идее, которую вы себе составили о типе мадьярского крестьянина. Но на ваш вопрос: «Как зовут этого бетиара?» вы, к удивлению своему, узнаете, что он зовется Миллер или Шмидт. В переписи, о которой я упомянул выше, один из таких господ отмечен был немцем; на это он возразил: «Az apam lelke se volt» («даже душа моего деда никогда не пахла немцем») – замечание, надо признаться, отличающееся скорее силой выражения, чем исторической верностью.

Де Жирандо приводит подобные же рассказы о немцах в Пресбурге, на самой границе Австрии, на расстоянии нескольких часов от Вены: два носильщика переносили какие-то тюки с барки на набережную: «Эй ты, немчура, осторожнее!» – крикнул один из них своему товарищу на венгерском языке, но с чисто немецким акцентом. «Сам немчура», – огрызнулся другой на том же языке с таким же акцентом.

Но даже и те немецкие колонисты, которые не дошли еще в процессе мадьяризации до того, чтобы считать мадьярский язык своим языком, – даже такие немцы считают себя венгерцами. Венгрия – их «отечество». Восстановление ее конституционной свободы составляет конечную цель всех их политических стремлений. Если мои собственные наблюдения не обманывают меня, то эти немцы обыкновенно ненавидят венское правительство еще с большим ожесточением и злобой, чем те, в чьих жилах течет чисто гуннская кровь. Так, одна саксонская колония в Ципше до того прославилась своим патриотизмом – а в Венгрии патриотизм и оппозиция правительству – одно и то же, что знакомый мадьяр заметил мне раз: «Когда у нас начинается какое-нибудь либеральное движение, то вы можете наперед быть уверенным, что во главе его стоит кто-нибудь из ципшских колонистов». Надо заметить, что такие немцы называют себя «Deutsche Ungarn» (немецкие венгерцы), а не «Ungarische Deutschen» (венгерские немцы) – различие, заключающее в себе очень определенный смысл. Последнее выражение обозначало бы

то, что они немцы, которых злая или счастливая судьба забросила в Венгрию. Называя же себя немецкими венгерцами, они этим выражают, что они такие же венгерцы, как и все другие, что они венгерские граждане, но немецкого происхождения. Гуляя по улицам и набережным Пешта в восхитительные майские вечера 1862 г., я часто встречал по пути немецких поденщиков, распевавших на немецком языке песни в честь венгерских девиц и венгерского вина, клянясь, что никакая страна, как бы ни была она велика, как бы ни была она богата, не побудит их покинуть дорогую Венгрию.

Mag mein Ungarn nicht vertauschen u. s. w.

(Ни на что не променяю я свою Венгрию и т. д.).

Все сказанное здесь о мадьяризации немцев в Венгрии показывает, что этот процесс совершается согласно установленному выше закону. Исключение из этого закона составляют те случаи, когда немецкое поселение или группа немецких колоний в течение многих столетий удержали свою национальность. Подобным исключением являются так называемые трансильванские саксонцы, с которыми мы еще познакомимся ближе впоследствии. Но надо заметить, что их национальность уже с самого начала была ограждена особенными привилегиями, дарованными этим *Domini Hospites Hungariae*: отдельной муниципальной самостоятельностью, отдельной территорией и, наконец, во времена реформации отдельной духовной организацией. Ни один не саксонец не мог занимать муниципальной должности в саксонских городах и селениях, и ему всячески старались затруднять приобретение поземельной собственности в пределах их территории. Как рассказывает д-р Эразм Швабе, немецкие бюргеры в Северной Венгрии пытались было принять такие же меры для ограждения своей национальности, но могущество немецкого элемента в этой части страны окончательно было подорвано преследованиями, которым они в качестве протестантов подверглись со стороны изуверного венского правительства во время так называемой контрреформации в семнадцатом столетии.

Мне могут заметить: если на слияние национальностей в Венгрии действовали те же законы, что во Франции и Англии, то почему же результаты получились такие противоположные? Для объяснения этого явления я могу указать три причины: во-первых, различие в географическом положении; во-вторых, недавние переселения после турецких войн; и, в-третьих, политическое верховенство, которым латинский язык пользовался до самого последнего времени. Последняя причина, конечно, также не оставалась без влияния, но, как мне кажется, она гораздо меньше, нежели первые две, содейст-

вовала вавилонскому столпотворению, господствующему в современной Венгрии и Трансильвании.

Географическое положение кельтских национальностей во Франции и на Британских островах таково, что вопрос об их окончательном исчезновении есть только вопрос времени. Они занимают уединенные пункты, бесплодные острова и побережья, отрезанные от всякого сообщения между собой и, теснимые с фронта более могущественными и более цивилизованными народами, встречаются с одной стороны бесплодные равнины океана, а с другой – батареи Нью-Йорка, на воротах которого можно бы написать: «Страхните с себя всякую национальность, вы, которые вступаете сюда». Тогда как из шести национальностей, населяющих Венгрию, а именно мадьяр, или собственно венгерцев, немцев, валахов, или румынов, словаков, или северо-западных словенцев, русинов, или северо-восточных словенцев, и южных словенцев, только первая национальность не имеет своих представителей по другой стороне границы. Наиболее восточные немецкие колонисты, трансильванские саксонцы, находятся в постоянном общении с «великим отечеством», как они называют Германию. Трансильванские валахи имеют своими ближайшими соседями валахов Придунайских княжеств. Точно так же и словаки непосредственно соприкасаются с поляками в Галиции и чехами в Моравии, которых языки отличаются от словацкого только как одно наречие от другого. Русины, или, как их иначе называют, малорусы, живут по обеим сторонам Северо-Восточных Карпат и тянутся непрерывной полосой через Польшу в Россию. По обеим сторонам пограничной линии между Австрией и Османской империей живут родственные племена: кроаты и сербы. Обыкновенно говорят, что границы между разнородными национальностями образуются не реками, а горными цепями; но на этнографические границы Венгрии не имели влияния ни те, ни другие.

Другая причина, произведшая тесное и пестрое сплетение национальностей в Венгрии, состояла в занятии страны турками. Варварские опустошения, произведенные последними, главным образом обрушились на наиболее плодородную и доступную часть страны – большую равнину, которую мадьяры избрали центральным своим местожительством. По изгнании турок в страну были призваны колонисты из всех стран, отчасти правительством, отчасти крупными землевладельцами, для обработки опустошенных полей, возобновления городов и деревень, которые турецкие варвары не раз предавали огню и под конец совершенно обезлюднили. Одна часть этих колонистов пришла из гористых частей Венгрии, занимаемых словаками, другая состояла из беглых райев из турецких провинций; но

гораздо большая часть переселилась из Германии – той многодетной Германии, которая теперь, как и в древности, есть мать народов, не носящих ее имени. Как я уже заметил выше, многие из этих колоний окончательно поглощены теперь коренным населением; но время их колонизации еще слишком недавнее, чтобы это поглощение могло распространиться на всех.

Наконец, говоря о сохранении национальностей Венгрии, надо принять также во внимание особенное положение и истории латинского языка в этой стране. В течение средних веков во всех западных христианских государствах латинский язык был языком богословия, науки, поэзии, законодательства, дипломатии, даже народной сатиры и народного благочестия. Венгрия также не составляла исключения из этого правила. Когда к концу средних веков в других государствах народный язык стал приобретать то значение, которое он занимает теперь как язык литературы и высшей политики, несчастная Венгрия представляла весьма жалкую картину. Одна часть государства была подвластна магометанскому деспоту, другая должна была признавать над собой авторитет иноземца-немца, и только незначительный уголок находился под властью природного государя, трансильванского князя, который, однако же, несмотря на свою видимую самостоятельность и время от времени пробивавшуюся личную энергию, был не чем иным, как вассалом султана. После полуторавековой борьбы немецкий император сделался властелином над всей Венгрией. На каком же языке ведать ему страну? Венгерского языка он не знал, а немецкого языка не признавали его подданные, оставался один исход, чтобы обе стороны для своих взаимных сношений приняли свою средневековую латынь. На этом языке венгерский сейм вел свои прения, на этом языке составлялись и обнародовались законы, на этом языке велась переписка между венгерской канцелярией в Вене и правительственными ведомствами в Буде, а также между этими последними и муниципальными властями. На комитатских собраниях латинский язык не играл такой абсолютной роли. Там, где собрание состояло преимущественно из мадьяр, прения по большей части производились на венгерском языке. Особенно это имело место в тех случаях, где большинство населения были протестанты. Там же, напротив, где шляхта принадлежала к другим национальностям, на собраниях исключительно господствовал латинский язык. Так оно было в Венгрии и Кроации. Правда, трансильванский сейм во все времена вел свои прения на мадьярском языке; но Трансильвания была маленькая страна, она была бедна, находилась в большом отдалении и, во всяком случае, была не больше как спутницей Венгрии. В те времена злосчастное

слово «национальность», сделавшееся впоследствии источником стольких бедствий, и при звуке которого самые благоразумные венгерские патриоты не могут воздержаться от невольного содрогания, не было еще известно. Люди спорили между собой о религии, о войне, налогах, иноземных чиновниках, иноземных наемниках и т. д., но никому из них не приходило в голову начать борьбу из-за языка. Да и могло ли быть иначе, когда все наречия, на которых говорили различные партии, мирно преклонялись перед признанным авторитетом нейтрального и беспристрастного латинского языка. Латинскому языку учился всякий, кто надеялся принимать участие в управлении страной или хотя бы в делах своего собственного муниципалитета. В некоторых частях Венгрии латинский язык употреблялся даже крестьянами в их сношениях со своими соседями, говорящими на другом языке, чем они. Даже и женщины – и тем волей-неволей приходилось учиться этому языку, на котором их отцы и мужья вели свои дела. Словом, хотя не всякий, кто знал по-латыни, мог считаться образованным человеком, но не было человека, претендовавшего на образованность, который не знал бы латинского языка. Следы этого положения дел были заметны еще до очень недавнего времени, да и теперь еще не совсем изгладились. Вы нередко и теперь можете встретить графиню, которая в разговоре с вами отпустит какую-нибудь латинскую поговорку, разумеется, венгерской фабрикации. Вы можете встретить старомодных консерваторов, которые самым добродушным образом будут уверять вас, что нынешняя молодежь ни к черту не годна, потому что не говорит по-латыни. Сельские дворяне очень любят испещрять свою мадьярскую речь экстраординарными словами, буквально без всяких изменений перенесенными из одного языка в другой. Еще теперь многие помнят, как в некоторых северо-западных комитатах помещики зараз говорили на 4 языках, нанизывая на одну и ту же фразу венгерские, словацкие, латинские и немецкие слова. Так, напр., встречаясь с знакомым на трехмесячных комитатских собраниях, они обыкновенно здоровались в следующих фразах: «Alaszzolgasa, domine spectabilis; ako ye prissli na forspontu, oder mit eigener Gelegengeit?». «Честь имею кланяться, милостивый государь, как вы приехали: на почтовых или в собственном экипаже?». Еще и теперь на улицах Пешта торговли называют друг друга «servus».

Венгерские консерваторы очень любят выставить период гегемонии латинского языка как золотой век венгерской истории. Устранению этого языка приписывают они все ужасы гражданской и крестьянской войны, разорившей их прекрасное отечество и испровергшей их маститую Конституцию. Но дело в том, что удар,

окончательно подорвавший старый порядок вещей, первоначально пришел не изнутри, а извне. Два монарха из дома Габсбургов были родоначальниками той национальной горячки, которая теперь причиняет столько хлопот и затруднений их преемникам. Императрица Мария Терезия первая возымела мысль, что для ее правительства было бы в высшей степени полезно, если бы ей удалось сплотить воедино различные национальности ее многоязычной империи. И так как из всех немецких элементов самый главный был венгерский в смысле богатства, политической зрелости и исторических преданий, то она обратила все свое внимание на онемечение венгерцев. Заставив гордых мадьяр забыть свой родной язык, ей уж не трудно было бы справиться с диалектами кроатов, сербов, русинов, валахов, которые, строго говоря, представляют собой какие-то отломки национальностей, а не нации.

Другой мотив, побудивший ее избрать для своих германизационных целей именно венгерцев, а не какую-нибудь другую национальность, была благодарность. Эта королева, которая под конец своей жизни была одной из участниц в разделе Польши, в начале своего царствования чуть не подверглась подобной же участи со стороны могущественной коалиции ее соседей. В этих тяжелых обстоятельствах она искала защиты и покровительства в пресловутой преданности ее венгерских подданных. Последние, как известно, ответили на ее призыв восторженным кликом, вошедшим потом в пословицу: «*Vitam et sanguinem pro rege nostro Maria Teresia*». Благодаря этой пламенной преданности венгерцев и успехам их оружия династия была спасена. Такие великие услуги требовали не менее великой награды. В глазах Марии Терезии величайшее благо, какое она могла доставить своим подданным, в числе которых (увы!) находилось много протестантов и греко-католиков, были сокровища немецкой цивилизации вместе с обращением их в лоно истинной церкви. По глубокому ли политическому расчету, или по верному женскому инстинкту меры, которые она приняла для достижения своей цели, были именно такие, которые всего вернее должны были подействовать на такой народ, как венгерцы. К слабым сторонам венгерского характера надо отнести и то, что они очень податливы на лесть; они не прочь также порисоваться и не остаются равнодушными к прелестям красоты. Королева всячески льстила гордости венгерцев, повторяла при всяком удобном случае, что их верности и храбрости она обязана сохранением своей короны, приглашала ко двору их аристократию, осыпая ее почестями и должностями. Она учредила дворянскую гвардию, члены которой были все венгерские *nemesember* (дворяне). Чтобы придать этому учреждению еще больше

популярности, она сделала из него нечто вроде представительной корпорации. Каждый комитат избирал по два гвардейца, и так как служба в этой гвардии длилась всего 5 лет, то вакантные места тоже замещались по выбору комитата. Высшие военные должности, посольства к отдаленным дворам, немецкие и чешские жены – все это царственная цирцея доставляла в изобилии, и все это немало содействовало денационализированию венгерских магнатов. Во времени у нее тоже не было недостатка. Ее блестящее популярное царствование длилось целых сорок лет. Многие убеждены, что, если бы ей наследовала женщина, такая же молодая, красивая и талантливая, как она, мадьярский героизм, ознаменовавший собою 19 столетие, принял бы иное направление и борьба за венгерскую Конституцию была бы устранена надолго. Ее сын и преемник Иосиф II представлял собой во многих отношениях прямую противоположность своей матери. Она была ревностной католичкой, нетерпимой до фанатизма, тогда как Иосиф был поклонником королевского философа в Сансуси, и одно время его даже подозревали, что он был посвящен в таинства иллюминанства. Запугиваниями и подкупам она принудила многочисленную греко-католическую конгрегацию признать над собою главенство папы; он же, напротив, своим знаменитым эдиктом о терпимости возвратил, по крайней мере, целую треть новообращенных в лоно православной церкви. Вместо того чтобы действовать с тем утонченным тактом, который дал ей возможность поддерживать самые лучшие отношения с привилегированными классами, в то самое время как она подкапывалась под самые дорогие для них учреждения, он открыто заявил, что намерен окончательно ниспровергнуть эти учреждения. Будучи бездетным вдовцом, он со страстью предавался филантропии; в исполнении своих намерений он постоянно руководствовался правилом, что не нужно откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Постоянно подстрекаемый сознанием, что лучшую и большую часть своей жизни он провел в подчиненном и сравнительно бесплодном положении, он решился теперь, когда сделался, наконец, монархом, не терять без дела ни одного дня, ни одного часа. Он работал с отчаянной поспешностью человека, над которым тяготеет тайное предчувствие, что он умрет, не окончив своей задачи. Эдикты, декреты, приказы, регламенты следовали друг за другом с быстротой неслыханной, и каждым из них он наживал себе массу врагов, каждый из них был направлен или против материальных интересов, или против установившихся убеждений того или другого класса. После 10 лет такой лихорадочной деятельности он умер с надорванным сердцем, от горячки, схваченной им в болотах Нижнего Дуная. Иноземные враги

и домашние измены преждевременно свели его в могилу. Англия и Голландия, Швеция и Пруссия составили против него союз. Его бельгийские владения находились в открытом восстании, Венгрия готовилась последовать их примеру. Как только он слег в постель, венгерцы прямо отказали ему в повиновении, и когда до них дошла весть о его смерти, заявили свою радость потешными огнями и иллюминациями.

Из всех мер Иосифа II ни одна, может быть, не вызвала такого ожесточения, как его решение сделать немецкий язык правительственным языком в Венгрии вместо латинского. Эта реформа разделяла участь всех других нововведений Иосифа II во время национальной аристократической реакции, последовавшей за его смертью. Но после бури, вызванной деятельностью Иосифа II, Венгрия не могла вернуться к тому варварскому затишью, в которое она погружена была во все царствование Марии Терезии. Венгерцы не могли не сознавать, что «человек, которого профессия – быть королем», не был так далек от истины, утверждая, что в новейшее время никакое государство не может быть управляемо на мертвом языке. Каждая нация имеет свой собственный национальный язык, на котором она выражает потребности и вожеления своей национальной жизни. Почему же Венгрии составлять вечное исключение из этого правила?

Таково было влияние, произведенное насильственными реформами Иосифа II на просвещенное меньшинство венгерского народа. Мало-помалу сформировался небольшой кружок литературных патриотов, который посреди насмешек мира, апатии своих соотечественников и постоянных придирок со стороны правительства создал для Венгрии ее новейшую литературу. К сожалению, пробуждая в мадьярах энтузиазм к своему национальному языку, они не сумели остановиться в должных границах. Как захваты немцев возбудили подозрительность мадьяр, так и возраставшая притязательность венгерцев вызвала реакцию со стороны кроатов и словаков.

Глава XIX

Национальности (Продолжение)

Будущность национальностей. – Влияние материальных улучшений. – Влияние демократии. – Предполагаемая враждебность. – Национальности и церкви. – Лютеране. – «Мадьяризация» немцев. – Три наложения немецких колонистов. – Венгерская религия. – Русины. – Сербь. – Валахи. – Немецкая национальность в Австрии. – Ли-

хорадка национальности». – Демократическое движение. – Причины преобладания венгерского языка. – Венгерский и немецкий языки. – Статистика.

Предыдущая глава написана мной несколько лет тому назад, перед последней поездкой в Венгрию. Важность явлений, о которых трактует эта глава, послужит мне, быть может, оправданием в том, что рассмотрению этих явлений я посвящаю другую, новую главу, в которой намерен разработать рассматриваемые вопросы с большей подробностью.

Первый вопрос, который необходимо должен остановить на себе внимание каждого вдумывающегося в этот предмет, состоит в том, какой исход будет иметь настоящее смешение национальностей в Восточной Европе. По отношению к Венгрии вопрос этот может быть разрешен только одним из трех способов, а именно: или венгерская национальность поглотит собою все остальные, или же вся страна сделается вполне немецкой либо славянской. Высказывая подобное мнение, я очень хорошо понимаю, что встречу немало возражений со стороны самих венгерцев; они все убеждены в том, что как было до сих пор, так будет и впредь, что венгры, словаки и румыны по-прежнему будут жить друг подле друга, с той лишь переменной к лучшему, что теперь они будут жить между собой в мире и братской любви, пользуясь всеми благами полного национального равенства. Я же, напротив, полагаю, что современный прогресс, развитие просвещения и внутренней торговли, постоянно возрастающая легкость международных связей и прогрессивно развивающаяся высшая политическая жизнь – все это должно побуждать каждую страну стремиться к однородности относительно языка и национальных чувств. Едва ли кто станет сомневаться в том, что великий шаг к демократизации венгерской Конституции, сделанный в 1848 г., отчасти уже успел произвести подобного рода действие. Как в южных штатах Америки система невольничества способствовала искусственному распространению негритянского племени, так же точно и квазифеодальная система, под которой крестьянское сословие жило до 1848 года, покровительствовала и охраняла мелкие национальности. До богатого событиями 1848 года государство и крестьянское сословие мало интересовались друг другом. Теперь же, когда, благодаря конституционной реформе, многие из представителей этого сословия сделались избирателями, для государства в высшей степени важно давать им такое образование, которое могло бы служить ручательством, что они сделают правильное употребление из дарованных им политических прав. Так как в стране в настоящее время господ-

ствует венгерский элемент, то венгерский язык, очевидно, делается обязательным для всех учебных заведений. И так как прения на сейме ведутся исключительно на венгерском языке, то всякий стремящийся к известности и влиянию в стране невольно должен будет усвоить себе этот язык и сделать его своим родным языком, а примеру таких людей мало-помалу последуют менее честолюбивые классы. Если до сих пор мадьяризация страны сделала так мало успехов, то это должно быть приписано прямому или косвенному покровительству, оказанному младшим национальностям венским правительством, которое, чувствуя свое бессилие онемечить своих венгерских подданных, старалось, по крайней мере, помешать их слиянию с мадьярской национальностью. Теперь же такому покровительству положен конец, и, как надо надеяться, навсегда.

До 1848 года собственно «политический народ» Венгрии составляла так называемая шляхта. Естественным следствием этого было то, что дворяне всей Венгрии, даже тех провинций ее, которые населены были исключительно словаками, русинами или румынами, были всегда мадьярами по чувствам, и если не все, то, по крайней мере, большая часть их умели говорить по-венгерски, хотя их фамильные названия часто изобличали их славянское происхождение.

При современной же демократической Конституции те самые причины, которые делали из «шляхты» истых мадьяр по чувствам, не могут не оказывать такого же влияния и на всю остальную массу народа. И действительно, словаки по большей части относятся очень сочувственно к венгерскому делу. Словацкий крестьянин, не умеющий сам говорить по-венгерски, очень гордится теперь тем, что сын его знает этот язык. И главнейшие препятствия, мешающие мадьяризации словацких провинций, имеют скорее пассивный, чем активный характер. Они заключаются именно в скудости почвы и происходящей отсюда бедности жителей и недостатке образования. Задача венгерского правительства – устранить или, по крайней мере, ослабить это зло посредством проведения железных дорог, улучшения путей сообщения внутри страны и установления национальной системы образования, так как с помощью этих средств ему удастся мало-помалу сравнить менее счастливые части страны с более счастливыми как в материальном, так и умственном отношении.

В среде людей, не вполне знакомых с Венгрией, весьма распространено мнение, что между крестьянами различных ее национальностей существует значительная доля недоброжелательства и неприязни. Но, насколько я успел заметить, это мнение если не совсем лишено основания, то, во всяком случае, весьма преувеличено. Нам,

людям, стоящим в стороне, весьма естественно останавливать свое внимание исключительно на ненормальных периодах гражданских войн и внутренних смут, каковы, например, 1848–49 годы, когда ничтожная горсть вооруженных инсургентов на жаловании у враждебного правительства принимала на себя вид, вовсе не соответствовавший действительной ее численности. В то же самое время венское правительство и газеты, служившие ему органами, всячески старались уверить нас, что Венгрия представляет хаос, который может быть приведен в некоторый порядок только военными законами и немецкими педагогами.

Что касается отношений, существующих между венграми и словаками, то они, по моему мнению, представляют полнейшую аналогию с отношениями англичан к валлийцам. То же самое можно сказать и об отношениях между венграми и русинами. Между мадьярами и валахами отношения, по-видимому, более натянуты, хотя во время своих путешествий я неоднократно имел случай убедиться в том, что взаимное недоброжелательство этих двух национальностей, о котором мы читаем так много в газетах, существует скорее в воображении издателей этих газет и разных демагогов, чем в действительной жизни.

Находясь однажды в доме одного помещика в нагорной или восточной части графства Бигар, я спросил своего хозяина, что думает он о тех враждебных чувствах, которые, как говорят, существуют между венгерскими и валахскими крестьянами. Собеседник мой нашел этот вопрос крайне странным и заметил мне, что в Венгрии никогда не было бы расовых распрей, если бы австрийское правительство не взяло на себя специальную задачу постоянно возбуждать их, что, впрочем, не всегда ему удается. Надо заметить, что в этой части страны деревни, расположенные в горах, населены валахами, а расположенные в долинах – обеими национальностями вместе. Здесь различие рас усиливается еще различием вероисповеданий, так как мадьяры большей частью протестанты, а некоторые – католики, между тем как валахи принадлежат все к греческой церкви.

Здесь уместно будет указать еще на одну интересную сторону вопроса о национальностях, а именно на его связь с различиями вероисповеданий. История протестантизма обнаруживает тот замечательный факт, что все свои завоевания протестантизм сделал исключительно в лоне латинского христианства. Греческая церковь оставалась совершенно нейтральной во все время борьбы между приверженцами реформации и сторонниками папского главенства. Из венгерских национальностей к латинскому христианству принадлежали три, именно мадьяры, словаки и немцы, и все они при-

няли в большей или меньшей степени доктрины реформации. В то время наибольшая часть немецких колоний сосредоточивалась на севере Венгрии, в тех провинциях, в которых словаки составляли, да и теперь еще составляют значительное большинство населения. И действительно, в этой части страны все города имеют немецкое происхождение. Немецкие граждане единодушно приняли учение Лютера, а от них учение это распространилось в массы словацких крестьян, так что в настоящее время около половины последних исповедуют лютеранскую веру, между тем как остальные принадлежат к старой церкви. В отношениях этих двух партий к венгерцам замечается значительная разница. Лютеранские пасторы стояли во главе всех антивенгерских движений. Из словацких колоний Великой равнины, составляющей, как известно, часть венгерской территории, те, которые исповедовали римско-католическую веру, гораздо скорее подверглись мадьяризации, чем словаки-лютеране. Это различие может быть приписано двум причинам: одна из них – та, что при аристократической Конституции, господствовавшей до 1848 года, римско-католический священник считался *ex officio* «дворянином», т. е. пользовался известными политическими льготами, тогда как относительно лютеранских пасторов это не всегда было так. Но гораздо сильнее действовала вторая причина, кроющаяся в природе протестантизма, который всегда и везде являлся защитником и покровителем местных наречий благодаря своему основному принципу отправлять божественную службу на языке, доступном для народа. Эта приверженность к делу словацкой национальности со стороны лютеранских пасторов немало содействовала союзу их с православной Россией – союзу, который, на первый взгляд, представляется таким противоестественным.

Как я уже упомянул в предыдущей главе, немецкие колонии рассеяны по всей Венгрии, частью поодиночке, частью небольшими группами. Уже одного этого обстоятельства почти достаточно, чтобы объяснить ту быстроту, с которой немецкие колонии утрачивали свой немецкий характер и делались, смотря по обстоятельствам, где венгерцами, где словаками или валахами. Но существует еще одно побочное обстоятельство, в силу которого они гораздо легче меняют свою национальность на венгерскую, нежели на какую-нибудь другую. Дело в том, что по своему умственному развитию, равно как и в отношении материального благосостояния, немцы-колонисты стоят выше прочих национальностей. Благодаря этому они разумнее других смотрят на свое положение и умеют находить наилучшие средства, чтобы оградить свои интересы. Стоя выше узких национальных и религиозных предрассудков, они видят ясно, что в Венгрии выгод-

нее всего быть венгерцем. В силу таких соображений как граждане Пешта, Буды и других городов, в которых существует немецкая *буржуазия*, так и зажиточное швабское крестьянство Баната усердно занимаются мадьяризацией своих детей. Венгерские кормилицы и вообще венгерская прислуга ценятся очень высоко, и часто случается, что родители нарочно отправляют своих детей от десяти до двенадцати лет на один - два года в какую-нибудь венгерскую деревню. В этом отношении нет никакой разницы между немцами-лютеранами и немцами-католиками.

В Венгрии, если можно так выразиться, существуют три наслоения немецких колонистов. Первое из них составляют переселенцы средневекового, дореформационного периода, известные в Венгрии под общим названием саксонцев и происходящие из Средней Германии. Они по большей части лютеране. Они живут в Буде, Пеште, нижнекарпатских провинциях от Пресбурга до Сатмара, а также в Трансильвании. После изгнания турок из Венгрии в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого столетий множество колонистов римско-католического исповедания переселены были австрийским правительством из Южной Германии в опустошенные провинции, а именно в Паннонию, Великую равнину и Банат. Как первый слой колонистов состоит преимущественно из городских жителей, так второй – исключительно из зажиточных крестьян. Наконец, третья волна немецкой колонизации хлынула туда в начале текущего столетия, отличаясь существенно от первых двух. Колонисты первого и второго периодов переселились вследствие особых приглашений со стороны королей, епископов, капитулов и крупных землевладельцев и являлись в страну готовыми *общинами*, тогда как переселенцы третьего слоя являлись в Венгрию или поодиночке, или отдельными семьями, расселялись безразлично по всем местностям, где их ожидал заработок, так как они очень редко имели с собой какое-нибудь свое собственное имущество. Вот почему они менее других были проникнуты чувством национальной гордости и, попав в такие места, в которых не было других немецких колонистов, очень быстро утрачивали свою национальность. Все три слоя немецких поселенцев в общей сложности скорее способствуют упрочению венгерского элемента, чем ослабляют его, так как они гораздо легче делаются мадьярами, чем какая бы то ни было из национальностей, поселившихся в этой стране до прибытия венгерцев.

Сами мадьяры принадлежат к трем различным вероисповеданиям¹. Большинство, а именно более трех пятых всей нации, принадле-

¹ Социниан, или унитариян между венграми всего только 40 000. Что касается греко-униатов, говорящих по-венгерски, то о них будет речь ниже.

жат к римско-католической церкви; из остальных далеко большая часть – кальвинисты, или, выражаясь определительнее, последователи евангелическо-гельветического вероисповедания. Число последних простирается до 1 800 000. Если и есть много мадьяр, не принадлежащих к кальвинистскому исповеданию, то зато едва ли найдется в Венгрии хотя бы один кальвинист, который в то же время не принадлежал бы к мадьярской национальности. Понятия мадьяризм и кальвинизм так тесно связаны между собой в умах венгерцев, что это вероисповедание обыкновенно называется здесь а *magyar vallas*, «венгерской религией», тогда как католицизм часто называется а *nemet vallas*, «немецкой религией». Как я уже заметил выше, все здешние протестанты не венгерского происхождения, за весьма редкими исключениями, последователи учения Лютера. Значительная часть венгерцев принадлежит к лютеранской церкви или, употребляя термин официальной номенклатуры, последователи евангелическо-аугсбургского исповедания.

Рассмотрев вкратце положение венгерских национальностей, принадлежащих к западной церкви, я перейду теперь к трем другим национальностям, исповедующим восточную, или греческую религию. Называя их по порядку их географического распределения, с северо-востока к юго-западу, эти три национальности суть русины, или малороссы, валахи, или дако-римляне и, наконец, сербы.

Русины в Венгрии принадлежали первоначально к православной церкви. Но около 1652 года они примкнули к так называемой «Святой унии», провозглашенной на Флорентийском соборе. Эти греко-униаты обыкновенно известны под именем «греко-католиков»; но на официальном языке они называются «католиками греческого обряда». Число русинов в Венгрии определяется различно, от 381 986 до 424 263; но во всяком случае их менее полумиллиона. Во всей же Австрийской империи число их доходит до 2 500 000. Венгерские крестьяне называют их русскими, *Orosz*, а жителей Российской империи – *Muszka*, москвитянами. По значению своему русины занимают последнее место между шестью главнейшими национальностями Венгрии. Большая часть занимаемой ими территории состоит из лесов и высоких гор. Они далеко уступают другим национальностям в материальном благосостоянии, умственном развитии и честолубии. В тех селениях, которые расположены в долинах, они более или менее совершенно уже омадьяризованы, так что хотя богослужение отправляется на старославянском языке, но проповедь свою «поп» вынужден бывает говорить на венгерском языке.

Как мы уже видели выше, масса венгерского населения состоит или из протестантов, или из католиков; несмотря, однако же, на

то, можно встретить довольно много людей, которые не говорят ни на каком другом языке, кроме венгерского, выдают себя за настоящих мадьяр и, тем не менее, принадлежат к греческой церкви. В 1840 году, по словам венгерского статистика Фениеша, число таких венгерцев простиралось до 115 099, из которых по меньшей мере 100 000 жили на русинской территории или в соседних с нею местностях. Судя по их географическому положению, я считаю весьма вероятным, что они – мадьяризованные русины; сами венгерцы охотнее признают их за потомков первых венгерских христиан, обращенных византийскими миссионерами еще раньше, чем король Стефан сделал римско-католическую веру обязательной для своих подданных. В настоящее время обнаружилось движение отделить этих греко-католиков от их русинских и валахских единоверцев и образовать из них особую епархию, в которой богослужение совершалось бы на венгерском языке. Обе восточные церкви гораздо более способствуют сохранению национальных различий, чем римско-католическая церковь, хотя и не в такой степени, как протестантская.

Южнославянские братья греко-католиков, сербы, по большей части остались верными своему православию, мужественно устояв против всех поползновений со стороны папы. Марья Терезия, движимая рвением к католицизму, жестокими преследованиями вынудила многих сербов променять веру своих отцов на веру своих государей. Но как только сын ее Иосиф II провозгласил свою знаменитую свободу вероисповеданий, все обращенные снова перешли в православие. Те же сербы, которые навсегда признали духовную власть римского епископа, совершенно отбросили все греческие обряды и сделались такими же строгими католиками, как и другие народы Западной Европы. Эти сербы латинского обряда считаются отдельной национальностью и называются *шоказами* или *буниовазами*. Между этими вероотступниками и православными сербами, известными в Венгрии под названием *райзов*, существует непримиримая вражда. В тех южных комитатах, в которых живет главная масса сербских колонистов, венгерцы, несмотря на свою малочисленность, очень легко могут направить выборы против райзов благодаря неприязни к ним швабов и буниовазов. Существование такой вражды между людьми, в жилах которых течет одна и та же кровь, доказывает, что различие национальностей имело в Венгрии не зоологическое или, по крайней мере, не исключительно зоологическое происхождение; а тот факт, что эта вражда не прекращается и в наше время, доказывает, как мне кажется, что современная идея национальности идет сверху, а не снизу, скорее от образованного или полубразованного меньшинства, чем от невежественного большинства.

Лет сто или даже пятьдесят тому назад сербские колонисты встречались еще во многих частях Венгрии, в которых теперь их совершенно нет. Можно почти с достоверностью сказать, что на севере от реки Дравы и в низовьях Дуная сербское население быстро приближается к своему совершенному вымиранию. Несомненные причины этого – безнравственность, распутство и лень. Нередко эти сербские общины вымирают целыми семействами; бывает также, что обнищавший вследствие лености и беззаботности серб волей-неволей продает свою землю водворяющемуся на его место швабу, а сам переселяется на Военную границу.

Прибыв в Венгрию из Турецкой империи, многие сербы принесли с собой значительные богатства, занимались промышленностью и торговлей и делали щедрые пожертвования на церкви, школы и благотворительные заведения для своих единоверцев. Так как эти пожертвования сделаны были в пользу общин, состав которых впоследствии уменьшился до самой ничтожной цифры, то в Венгрии очень мало можно найти церквей и школ, которые были бы так богаты сравнительно с населением, которое ими пользуется, как православные сербские учреждения в городах Буде, Мискольче и других. Так, например, Мискольч имеет 27 000 жителей; в числе их только 200 исповедуют православную веру, а между тем церковь православной общины – лучшая в целом крае. Впрочем, немалая доля этих пожертвований ушла на кутежи, проедена и пропита.

Одной из причин, способствовавших падению и исчезновению этих торговых колоний, нужно считать значительное усиление еврейского элемента в Венгрии в течение последних пятидесяти лет. Еще и теперь во многих местностях купцов называют *gorog*, т. е. греками, – имя, которым обыкновенно обозначают сербов и валахов православного исповедания, живущих в городах и занимающихся торговлей. Нередко можно слышать, как крестьянин-подводчик на вопрос, какого он вез седока, отвечает: «Я вез еврея, который состоит греком в такой-то деревне». Мадыары и немцы, не особенно долюбивающие сербов, постоянно обвиняют их в чувственности, лености, предательстве и жестокости; но никто из них не осмелится упрекнуть сербов в трусости. По разным причинам венгры живут в лучших отношениях к своим соседям славянам и немцам, чем последние между собой. На юге Венгрии, где сербы, швабы и мадыары живут совместно, первые две национальности ненавидят и гнушаются друг друга. Но венгерец, гордый собственными своими воинскими доблестями, вполне отдает дань удивления храбрости серба. Другая черта в характере сербов, тесно связанная с их храбростью, заключается в их социальном и политическом честолюбии. Очень

немного учеников найдется в школах, которые могли бы сравниться с сербами в прилежании и любознательности, так что этот народ, состоящий всего из 200 000 душ, причиняет венгерскому правительству гораздо больше тревог и беспокойства, чем словаки и русины, хотя численностью последние в десять раз превосходят сербов.

Из всех народов Венгрии сербы, по моему мнению, ближе всех других подходят к тому романтическому идеалу, который многие из нас составили себе о воинственном варваре. Между сербами и швабами Южной Венгрии существует такой же контраст, как между поэтическими школами Гомера и Гесиода. Я очень хорошо знаю, что венгерец как в собственных своих глазах, так и в глазах других представляется каким-то поэтическим существом. Но что касается меня, то я должен признаться, что по характеру своему он, напротив, всегда напоминает мне описанный Мишле грубый прозаизм римского гражданина в период борьбы патрициев с плебеями. Венгерец слишком большой законник, чтобы быть поэтом. Практическая и политическая стороны его природы развились на счет артистической. Правда, венгерцы написали несколько томов поэзий довольно высокого достоинства, но это скорее лирические, чем эпические стихотворения. Я должен сказать с сожалением, что не знаком ни с одним из славянских языков и их литературой; но, судя по тем образчикам, с которыми мне приходилось встречаться в переводе на других языках, я признаю за ними решительно эпический характер.

Что всего более поражало меня в здешних сербах, или райзах, это то, что они далеко уступают в физическом развитии тем своим соплеменникам, которые живут в свободном княжестве Сербии, на юге от Дуная. Само собой разумеется, что замечания мои касательно деморализации сербов относятся только к здешним венгерским сербам. Во всяком случае, я должен признаться, что не имею претензий на знакомство с сербами, живущими в княжестве, и что заключения мои относительно венгерских сербов заимствованы в значительной степени от их недоброжелателей – венгерцев и немцев.

Валахов, или дако-романов, так же, как и райзов, обвиняют в изверстве, суеверии, лени и беспечности; но они и в других отношениях составляют прямую противоположность с райзами. Венгерцы столько же презирают валахов за их трусость, сколько уважают сербов за их отчаянную храбрость. С другой стороны, валахи не только не убывают подобно сербам, а напротив, все прочнее и прочнее пускают корни, вытесняя венгерцев и немцев, с которыми приходят в соприкосновение. По-видимому, это зависит не столько от физической плодовитости этой расы, сколько от чрезвычайно развитой способности ассимилировать себе все инородные элементы, попа-

дающие в ее среду. Относительно религии они занимают средину между русинами и сербами. Они не подчинились всей массой папе, подобно первым, но и не оказали такого решительного сопротивления преследованиям своих римско-католических государей, как последние. Меньшая половина их принадлежит к униатской ветви греческой церкви, а большая осталась верна догматам православия.

Единственный интерес, который большинство читателей видит в вопросе о национальностях, ограничивается соображением, может ли принцип национальности – и в какой степени именно он может – оказать влияние на распадение Австрийской империи. Те, которые желали бы сохранения целостности этой империи, возлагают все свои надежды на преобладание немецкого элемента, твердо веруя, будто бы этот элемент составляет цемент, связующий в одно целое различные и разрозненные части Австрии.

Эта теория довольно удобная и заключает в себе значительную долю правды; но не нужно забывать и того, что немцы представляют эту связующую силу не как господствующая в государстве национальность, а как приверженцы или, лучше сказать, слуги и министры дома Габсбургов. Но это может длиться только до тех пор, пока значение царствующей династии в государстве будет выше значения народов, которыми она управляет. В самом деле, одни только Габсбурги, а не их немецкие подданные составляют звено, связующее отдельные части государства. Выражение «Австрийская империя» есть относительно новое выражение и далеко не так правильно, как употреблявшееся прежде выражение «владения Австрийского дома». В настоящее время немцы сделали в Австрии такой же национальностью, как и все другие, и в этой роли причиняют столько же беспокойства своим правителям, представляют такой же сепаратистский элемент, как чехи, поляки, румыны или итальянцы.

Но чего в Англии никак не могут или не хотят понять, так это отношение вопроса о национальности к демократии. Подтрунивания Чарльза Бонера над «этой злокачественной эпидемией», над «горячкой национальности» проникнуты тем духом надменного и самодовольного непонимания чувств и внутренней жизни менее счастливой части человечества, которая составляет отличительную особенность французских и английских туристов. Г-н Бонер, который в этом случае, как и вообще во всей своей книге, старается петь с голоса своих излюбленных немцев, с негодованием говорит о том, что сербы считают за оскорбление, когда их называют «райзами», а румыны – когда их называют «валахами». «А еще недавно, – восклицает он, – эти два народа представляли две дикие орды, без малейшего признака цивилизации». Ну да! Потому именно эти народы

и стали требовать уважения к своему национальному чувству, потому именно они и принялись за улучшение своей народной жизни, языка и литературы, что приобрели, наконец, некоторые начатки цивилизации и почувствовали стремление возвыситься до уровня наиболее благоденствующих народов Европы.

Пока Венгрия находилась на аристократической ступени своего развития, пока цивилизация, культура, политическая и гражданская свобода считались приличными только для благородных и богатых, составляя для остальных слишком дорогое и лакомое блюдо, до тех пор не могло быть и речи об агитации в пользу языков низших национальностей. Дворянство, тот господствующий класс, для которого и с помощью которого государство управлялось, стояло выше соображений о национальности. Тот, кто, наскучив грубыми утехами жизни, искал более высоких наслаждений, изучал обыкновенно латинский, французский или итальянский языки. Теперь же, когда цивилизация признана достоянием всех, даже и бедных классов, возможно только одно из двух: или чтобы все изучали язык государства и признали его своим родным языком, или же чтобы каждой национальности дана была возможность обработать свой язык до той степени совершенства, которая сделала бы из него полезное орудие для приобретения всех возможных выгод, доставляемых цивилизацией. Первое решение этого вопроса естественным образом оказывается предпочтительнее с точки зрения государства, т. е. богатых и могущественных классов – венгерской знати и немецкой бюрократии. Очень даже быть может, что это единственный путь, который в конце концов окажется выгодным для всех партий. Но благоразумно ли упрекать демагогов, т. е. людей полуобразованных, в том, что они становятся на сторону бедных и предпочитают второе решение вопроса. «Хорошее общество» не хочет знать этого класса; но политика «хорошего общества» потеряла свой кредит в Венгрии, как оно потеряло его раньше в Англии.

В начале этой главы я высказал убеждение, что рано или поздно все население Венгрии будет говорить на одном языке и составит одну общую национальность, один народ соединенного королевства. Но я должен прибавить, что этот результат скорее и вернее может быть достигнут мирным путем, без возбуждения чувствительных струн национализма, короче сказать, посредством той политики, превосходство которой так долго доказывал и которую теперь призван осуществить на деле барон Этвеш (Eotvos), настоящий министр народного просвещения в Венгрии².

² Он умер в прошлом году (1871).

Чем глубже жители Венгрии проникнутся той истиной, что все они братья, дети одной общей родины, связанные общими интересами и общими опасностями, тем яснее поймут они выгоды, которые произойдут для них из исключительного употребления одного общего языка. Какой это будет язык – вопрос, на который в настоящее время нельзя еще дать определительного ответа. По моему мнению, которое уже известно читателю, скорее всего этим общим языком сделается венгерский язык.

Впрочем, это мнение я основываю на том предположении, что границы Австро-Венгерской империи или, по крайней мере, Венгерского королевства долгое время сохранят свой нынешний вид. При этом условии венгерский язык имеет весьма много шансов, обеспечивающих ему преобладающую роль. Венгерская национальность образует сплошную массу в центре страны, будучи в то же время рассеяна и на всем ее протяжении. Почти половина всего народонаселения – и притом половина, наиболее важная в социальном отношении, – состоит из мадьяр, численность которых превосходит, таким образом, численность каждой из прочих национальностей, взятых отдельно. Дворянство и интеллигенция принадлежат к этой национальности. Она одна обладает способностью притягивать к себе и поглощать собой мелкие, обломочные национальности, как-то евреи и армяне. Мадьярский язык – это язык венгерской истории и венгерских законов; мадьярская литература есть единственная литература на венгерской почве, обнаруживающая кое-какие признаки жизни. Что же может быть противопоставлено этим фактам?

Не то ли, что немецкий язык есть язык венгерской торговли и, по всему вероятию, останется им навсегда? Я не стану доказывать, что этот язык может со временем утратить свое значение как посредник в торговых сношениях Венгрии с остальной Европой; но из этого нельзя еще заключать, чтобы он мог сделаться языком государства, общества и главной массы народонаселения. Венгерцу вообще необходимо знать по меньшей мере один из трех главнейших европейских языков. Но то же самое мы видим издавна в государствах с гораздо меньшим населением, чем Венгрия, а именно в Дании, Голландии и Швеции, которые, тем не менее, сохранили свои национальные наречия в продолжении целых столетий.

Но если Австро-Венгерской империи суждено распасться, то трудно предвидеть, какой язык сделается тогда господствующим в Венгрии. Ни одно государство не выиграет столько от подобной катастрофы, как Россия, и весьма вероятно, что русский язык заменит в этом случае венгерский если не на всем протяжении Венгрии, то, по крайней мере, в большей ее части. Да и не один венгерский язык

пострадает от такого возвышения России. Сходственные с русским славянские языки – польский, словацкий и русинский – исчезнут, и той же участи, вероятно, подвергнется и румынский, или валахский язык.

Венгерская статистика находится в крайне неудовлетворительном положении. Поэтому любителям цифр я могу предложить только нижеследующую таблицу, показывающую взаимное численное отношение различных национальностей Венгрии и Австрийской империи в 1857 году. Эти данные извлечены мной из новейшего сочинения Гунфальви, который сам считает эти цифры только приблизительно верными:

Национальности	В целой Австро-Венгерской империи	В Венгерском королевстве, со включением Далмации
Немцы	7 877 675=24,4 %	1 484 948=10,6 %
Мађьяры	4 947 134=15,3 %	4 869 234=35,4 %
Чехи и словаки	6 132 742=18,8 %	1 631 732=11,0 %
Поляки	2 159 648=6,6 %	
Русины	2 752 482=8,4 %	424 263=3,0 %
Словены, или венды	1 156 641=3,5%	54 779=0,3 %
Кроаты	1 337 010=4,0 %	1 198 964=8,5 %
Сербы, с включением буниевазов, далматов и проч.	1 438 201=4,3%	1 363 171=9,6 %
Болгары	24 030	24 030
Все славянские национальности, вместе взятые	15 000 754=45,6 %	4 696 939=33,1 %
Румыны, или валахи	2 595 453=7,4 %	2 416 874=18,0 %
Итальянцы	487 788=1,2 %	887
Фриули и ладины	63 338	

Евреи	1 053 448=3,1 %	413 020=3,0 %
Албанцы, или клементинцы	3 175	3 175
Греки- македоняне, или цинцары	2 105	450
Армяне	16 120	9 864
Цыгане	146 100=0,5 %	143 150=1,0 %

По поводу этой таблицы Гунфальви замечает, что в ней число мадьяр, без сомнения, слишком мало, и что исчисления, сделанные в 1864 году г. Фениешом, определяющие их число в 6 555 124, ближе подходят к действительности. Из сказанного числа 5 314 202 составляют население собственно Венгрии, 832 900 живут в Трансильвании, 40 000 – в Кроации, Славонии и на Военной границе; тогда как за пределами Венгерского королевства около 15 000 живут в Буковине и 50 000 – в самой Вене. Бонер в своем сочинении *о Трансильвании*, основываясь на удостоверении саксонца Биельза (Bielz), определяет число мадьяр в Трансильвании всего лишь в 536 011.

По исчислениям Фениеша (Fenyés) народонаселение собственной Венгрии, за исключением Трансильвании, Кроации, Славонии, Далмации и Военной границы, определялось в 1864 году следующим образом:

Мадьяр	5 314 202	Кроатов	94 128
Словаков	1 412 303	Далматов	70 102
Валахов	1 132 525	Словенцев	52 034
Немцев	880 734	Цыган	36 842
Русинов	381 986	Болгар	23 454
Евреев	372 191	Греков	6 749
Сербов	293 648	Армян	3 327

Чтобы показать возможно нагляднее численное отношение названных национальностей между собой, я прибавлю, что *Neptanitok Lapja*, газета, издаваемая для руководства учителям элементарных училищ на различных наречиях края по инициативе венгерского министра народного просвещения, распределяется следующим образом между национальностями: 8 399 экземпляров издаются

на венгерском языке, 2 162 – на немецком, 2 337 – на румынском, 1 208 – на словацком, 467 – на русинском, 328 – на сербском и 88 – на кроатском.

Источник: Петерсон Артур Джон. Венгрия и ее жители. Пер. с англ. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1873. С. 238–272.

*Source: Peterson, Arthur John. (1873) *Vengriya i ee zhiteli [Hungary and Its Inhabitants]*. Translated from English by D.G. Fridberg. St. Petersburg: tip. A.M. Kotomina. pp. 238–272.*

Петерсон Артур Джон – английский историк и путешественник. С 1862 по 1867 г. он трижды побывал в Венгрии, провел в этой стране в общей сложности более трех лет. Он изучил венгерский язык, что позволило ему лучше узнать страну. Помимо Будапешта, Петерсон побывал в т.н. альфёльдских (Альфёльд – самая большая часть Среднедунайской равнины, к востоку от Дуная) городах (Дебрецен, Сегед), посетил Северо-Восточную Венгрию и Трансильванию. Время его путешествий пришлось на сложный период, который завершился созданием в 1867 г. двуединого государства – Австро-Венгерской империи.

Arthur John Peterson was an English historian and traveller. From 1862 to 1867, he visited Hungary three times, spending a total of more than three years in this country. He learned Hungarian, which allowed him to get to know the country better. Peterson visited Budapest, the so-called Alföld (the largest part of the Central Danubian Plain east of the Danube) cities (Debrecen, Szeged), Northeastern Hungary and Transylvania. He travelled during a difficult period for the country which ended in 1867 with the creation of a dual state – the Austro-Hungarian Empire.